

Андрей ТОРОПОВ

Андрей Торопов родился в 1978 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил исторический факультет, аспирантуру Уральского госуниверситета, кандидат исторических наук, доцент, автор научных трудов по истории уральской промышленности. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая реальность», «Воздух», «Белый ворон», «Байкал», «Артикль», «Крещатик», «Волга», «Новая Юность», «Зарубежные записки», и др. Автор четырех поэтических книг. Живет в Екатеринбурге.

Где судзуки витара, где судзуки витара. Где судзуки витара.
Митцубиси паджеро, митцубиси паджеро. Митцубиси паджеро,
В лес уходит отара, в лес уходит отара. В лес уходит отара.
Остается лишь вера, остается лишь вера, остается лишь вера.

И никто не увидит, и никто не увидит. И никто не увидит.
И никто не узнает, и никто не узнает. И никто не узнает,
Что из этого выйдет, что из этого выйдет. Что из этого выйдет.
Кто любить позволяет, кто любить позволяет. Кто любить позволяет.

После бабьего лета, после бабьего лета. После бабьего лета.
Но до первого снега, но до первого снега. Но до первого снега
Превратится в карету, превратится карету. Превратится в карету
Деловая телега, деловая телега. Деловая телега.

Бессмысленность жизни бесспорна,
Но будет у жизни конец.
Купите побольше попкорна,
Не хочет попкорна мертвец.

Не хочет ни секса, ни сердца,
Ни боли, ни даже конца.
Растите в себе страстоперца,
Не ждите в себе мертвеца.

Смотрите, бессмертные души,
На наш увлекательный матч.
Победы и смерти не нужно.
Буланова Таня, не плачь.

Улетает зелёный фургон уходящего лета,
Дивидишка ещё нам на даче киношку покажет,
Собирают картошку и свёклу большие поэты,

«Не грусти», – кто-то близкий тебе удивительно скажет.

Это было давно, на восьмом километре, в сарае,
И довольно смешно наставлять, надевая колготки.
Видишь крюк, повиси-ка на нем, как форель золотая,
А потом возвращайся назад покататься на лодке.

Как пила воеет баба, но только не будет интима,
Полежали и хватит, пора возвращаться к картошке.
Вы читали когда-нибудь Киплинга «Кима»
Про спасение в детской нелепой киношке?

У Чехова – крыжовник,
А у меня – ирга,
Китайка и шиповник,
И прочая пурга.

Когда придут морозы
И заметет наш сад,
Ко мне вернётся в грезах
Уральский виноград.

Шипы вонзятся в душу
И сердце защежит.
Он никому не нужен,
Но любит и болит.

Защищающий Йеллостоун
Проиграет, но честь сохранит,
А поэт – удивительный клоун,
У него ничего не горит.

Он, конечно, потешит ковбоев
И застрянет навеки в веках,
Но какое оно голубое
В этих складных и сладких стихах.

А потом появляются звезды,
А потом наступает зима.
Я смородины красные гроздя
Собираю от большого ума.

Муравьи бывают красные,

Муравьи бывают чёрные.
Только люди здесь напрасные,
Удивительно позорные.

Эти карики и валики,
Даже мудрый гермогенович,
Бесполезные надалики,
Федерерики, жукевичи.

Напридумывали мании
И за ними сами бегают.
В саламандрах из Германии,
В стильном пухе из Норвегии.

Я окучиваю тяпкою,
Разбиваю муравейники.
Я все кафкаю и кафкаю
На крапиву и репейники.

Это дерево стоит зеленое,
но оно уже обречено.
Беспокойное и в свет влюбленное,
только обреченное оно.

По утрам смотрели докторхауса,
грелись от поставленных вакцин.
Во вселенной было много хаоса,
но закрой глаза и ты – один

остаешься с неизвестной вечностью
в самом удивительном конце.
Что мне делать с мягкой человечностью
В выеденном полностью яйце?

Одни люди делают счастливыми,
Но другие делают несчастными.
Ни за что не связывайтесь с ними,
Убегайте быстро от напрасного.

Дальше я начну анализировать,
Что в строфе я первой напортачил.
Но полезет сразу монплеэировый,
Потому что не могу иначе.

Получилась некая трехсмысленность,
Я её легко преодолею,

Превратив её в четырехсмысленность,
Ни о чем не плачу, не жалею.

Что стало с Черным Псом из «Острова сокровищ»?
Что Сильвер приказал – прибить или прогнать?
Второстепенный тип, ты ничего не стоишь,
Кому твою судьбу захочется узнать?

Но в книге про него – две легендарных фразы,
И без него никак до времени нельзя.
Поэтому нельзя отказываться сразу,
Раз он и Билли Бонс – бессмертные друзья.

Но бросили его, когда стал пес не нужен:
В неизвестности исчез, на остров не попал.
Но если бы попал, то было бы похуже.
Один лишь автор все, что будет дальше, знал.

Как хорошо сидеть на травке
И Боратынского читать.
Козлиной песней для приправки
Себя смиренно почитать.

Как хорошо зимою с дочкой:
Коньки, ледянка, санки, снуд.
Толпа навстречу прогрохочет,
Свободу крикнут и уйдут.

Ты знаешь, что такое счастье,
Продляешь каждый сладкий миг,
Мы путаем названья часто,
Трагично начитавшись книг.

Памяти Ж. П. Б.

Надеюсь, что издатель выживет.
И книжка выживет моя.
Мак-Наббс спокойно молвил: «Хижина»,
И мы ушли из бытия.

Разжечь очаг, согреться до смерти,
Испить походный кофеек.
Вы тоже ужинали в «космосе»
Пироженками внятных строк.

Вы были очень рассудительны,
Входили даже в генофонд.
Но стали снова вы – язвительный,
Отбившийся подросток Бонд.

Бомону, может быть, понравилось:
Сесть в вертолет, дожить до ста.
Но все, кто умерли – поправились
И дают кофе у костра.

Каждый думает, что с ним-то
Не случится смерть никак.
Но останется лишь снимок,
Пара строчек и пиджак.

Если в нем не похоронят,
То носить его бомжу.
Я концовку профилоню,
Что устал и ухожу.

Но какой же я вам ельцин,
Спрятан снова парашют,
Лишь за мной заедут эльфы,
И с собою заберут.

Остров декабристов

1.
Здесь все как в наших треках,
Но рядом Ленинград.
И можно переехать,
Но зелен виноград.

И жизнь почти сложилась
В лежанку на печи.
Кому отдать на милость
Родные кирпичи?

И кто еще запишет,
Как Слуцкий от погонь,
Классические вирши,
Как просит Рябоконт?

Скучает одеяло
И замерзает печь.
С Финляндского вокзала
Вернуться и залечь.

И книги, и угодя
С собой не унесешь.
Прекрасные отродья
Оставишь и уснешь.

2.
Я букет Ренуара,
Наконец, рассмотрел.
Голых женщин немало,
Но и розы узрел.

Доказательство мира
И любви неземной.
Для цветов очень мило
Жить на свете со мной.

3.
Питер перед глазами
Через несколько дней,
Ешь каналы с мостами
Из тарелки своей.

Жизнь тарелкина – пытка,
Беспросветная грязь.
Небольшая ошибка,
Что случайно стряслась.

Жизнь тарелкина – польза,
Но такой не нужна,
Путь холодный и скользкий
Лучше сытого дна.

Лучше нищим поэтом
Ешь дворцы и блуждай.
Под порывистом ветром
Острова Голодай.

Октябрь 2021